

Лия Нора

НАСЛЕДНИЦА РАЗДОМА

КНИГА II

ПО ТУ СТОРОНУ КРЫЛЬЕВ

18+

Лия Норд

Наследница Разлома. Книга

2. По ту сторону крыльев

<https://litres.ru/74163277>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она вернулась домой но прошлое уже ждало ее на пороге.

Спасаясь от смерти, Эллианна покинула Эйрилон и снова оказалась на Земле. Вместе с ней через Разлом шагнул мужчина, который должен был ее убить.

Каэль лишился своего мира и всего, что делало его тем, кем он был. Теперь он чужой среди людей, а Элли впервые становится той, кто знает дорогу.

Но возвращение домой не приносит покоя.

Исчезнувшая много лет назад мать оставляет новые подсказки, старые письма открывают тайны прошлого, а два странных пера ведут туда, где скрыта правда о Наследнице Разлома.

Тем временем в Эйрилоне новый Солариарх пытается удержать мир на грани войны, а в тени дворца кто-то продолжает свою игру.

Чтобы вернуться обратно, Эллианне и Каэлю придется довериться друг другу. Но чем ближе они становятся, тем опаснее оказывается правда.

Потому что некоторые тайны способны изменить судьбу двух миров.

А некоторые чувства рождаются именно тогда, когда назад дороги уже нет.

Содержание

Глава 1 Чужой мир	5
Глава 2 Дворец	41
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Наследница Разлома. Книга

2. По ту сторону крыльев

Глава 1 Чужой мир

Стук повторился. Три медленных удара, негромких и удивительно спокойных, прозвучали в темной квартире так отчетливо, словно все остальное на мгновение перестало существовать. За окном еще мерцало серебристое сияние, тонкое, живое, не похожее ни на свет фонаря, ни на отблеск фар, ни на молнию, и от этого привычная комната Эллианны казалась уже не убежищем, а местом, куда невидимая рука привела их специально.

Каэль стоял перед ней, чуть развернувшись к двери.

Обнаженный меч в его руке почти не двигался, но Эллианна видела, как напряжены пальцы на рукояти. Четыре темно-серебристых крыла раскрылись за его спиной, заслоняя ее от двери, от окна, от всего мира сразу. В узкой комнате они казались слишком огромными, слишком невозможными, как и сам Каэль, все еще пахнувший дождем, кровью и чужим ветром Разлома.

Стук повторился в третий раз. Он не стал громче. Не стал настойчивее. И именно в этом спокойствии было что-то такое, от чего холод прошел по коже.

— Не открывайте, — тихо сказал Каэль.

Эллианна смотрела на дверь и чувствовала, как в пальцах все еще дрожит листок с письмом матери. Древние символы на бумаге едва заметно мерцали в темноте, будто не нуждались в электрическом свете, чтобы оставаться живыми.

— Она уже здесь, — прошептала она.

Каэль чуть повернул голову.

— Кто?

Эллианна не ответила сразу. Перед глазами вспыхнула набережная: серое небо, холодный ветер, странная старуха с палкой, которая указала на перо так, будто давно знала, что Эллианна должна его увидеть. Тогда это казалось случайностью. Странной, пугающей, но все же случайностью. Теперь случайностей больше не осталось.

— Та, что показала мне перо.

Каэль ничего не сказал, но его взгляд стал еще внимательнее. За дверью послышался негромкий смешок.

— Долго же вы, дети мои.

Голос был старческим, хрипловатым, но в нем звучала такая уверенность, будто дверь, замок и меч Каэля были для нее не преградой, а вежливой условностью.

Эллианна медленно вдохнула, шагнула вперед и открыла. На пороге стояла та самая старуха.

Низкая, сухая, в темном длинном пальто, слишком старом для современного города и слишком плотном для теплого подъезда. В одной руке она держала кривую деревян-

ную палку, другой опиралась о косяк, словно проделала долгий путь и теперь позволяла себе немного отдохнуть. Лицо ее было испещрено глубокими морщинами, но глаза оставались живыми, ясными и до странности молодыми.

Она посмотрела сначала на Эллианну. Потом на Каэля. И улыбнулась так, будто именно это зрелище ожидала увидеть.

— Надо же, — произнесла она. — Один из них все-таки решился пройти за тобой.

Каэль не опустил меч. Напротив, его пальцы лишь крепче сомкнулись на рукояти, а четыре темно-серебристых крыла раскрылись чуть шире, словно инстинктивно стремились заслонить собой Эллианну и весь этот хрупкий, незнакомый мир, в котором они оказались.

Старуха окинула его внимательным взглядом и негромко вздохнула.

— Ну конечно Именно так вы всегда и встречаете тех, кто приходит без дурных намерений.

— Кто вы? — холодно спросил Каэль.

Она слегка приподняла брови.

— Даже не здороваешься?

— Кто вы? — повторил он, и в его голосе прозвучало то опасное спокойствие, которое Эллианна уже научилась узнавать.

Старуха некоторое время молча смотрела на него, а затем уголки ее губ дрогнули в едва заметной улыбке.

— Да характер у тебя все-таки отцовский.

Каэль нахмурился.

— Вы знали моего отца?

Но она будто не услышала вопроса. Медленно переступив порог, старуха вошла в квартиру с таким видом, словно была здесь не впервые. Она остановилась посреди комнаты, огляделась, задержала взгляд на книжном шкафу, на фотографии в руках Эллианны и, наконец, тихо кивнула собственным мыслям.

— Значит, все-таки оставила

— Вы знали мою маму? — почти шепотом спросила Эллианна.

Старуха повернулась к ней. И что-то в ее лице вдруг изменилось. Исчезла насмешка, исчезла легкость, а в глубине необычайно ясных глаз появилась тихая, давняя печаль.

— Знала, дитя, — мягко ответила она. — И любила ее больше, чем следовало.

Эти слова прозвучали так просто, что у Эллианны болезненно сжалось сердце. Несколько секунд в комнате стояла тишина, нарушаемая лишь шумом дождя за окном.

Потом она снова спросила:

— Кто вы?

Старуха улыбнулась, но на этот раз улыбка получилась усталой.

— Сегодня это не самый важный вопрос.

Она медленно перевела взгляд на Каэля и долго смотрела на него так внимательно, что даже он почувствовал себя

неуютно.

— Подойди, — наконец сказала она.

— Нет.

Ответ прозвучал мгновенно. Старуха тихо хмыкнула.

— Упрямый И это тоже отцовское.

— Я вас не знаю.

— А вот я тебя знаю.

Она произнесла это спокойно, без угрозы и без торжества, словно говорила о чем-то давно решенном.

— Очень давно.

Каэль не ответил, но Эллианна заметила, как напряглись его плечи. Старуха сделала еще один шаг и медленно подняла свою палку.

Почему-то именно в этот момент у Эллианны перехватило дыхание. Она не знала, что сейчас произойдет, но была уверена: после этого мгновения уже ничего не останется прежним.

— Не бойся, мальчик, — тихо сказала старуха. — Я не причиню тебе вреда.

И прежде чем Каэль успел отступить, кончик палки легко коснулся одного из его крыльев. Сначала ничего не произошло. Потом воздух в комнате едва заметно дрогнул.

По темно-серебристым перьям пробежала волна света, похожая на отражение луны в спокойной воде. Она поднялась выше, окутала крылья мягким сиянием, и внезапно тысячи серебристых искр сорвались в воздух.

Эллианна невольно ахнула. Крылья исчезали. Они не сгорели и не рассыпались. Они просто растворялись, становясь светом.

Меч с глухим стуком упал на пол. Каэль даже не заметил этого. Он стоял неподвижно и смотрел перед собой так, словно не понимал, что произошло.

Потом медленно поднял руку, провел ею за спиной, где еще мгновение назад чувствовал привычную тяжесть крыльев, и резко вдохнул.

Пусто. Он сделал еще одну попытку. Ничего.

Еще одну. Пустота. И тогда в его глазах впервые появился настоящий страх. Не тревога. Не ярость и не гнев. Страх человека, который только что потерял часть самого себя.

— Нет — выдохнул он почти беззвучно.

Он поднял взгляд на старуху.

— Что вы сделали?

Она спокойно оперлась на палку.

— Ничего.

— Верните их.

— Не могу.

Он шагнул вперед.

— Верните.

В его голосе прозвучало что-то такое, от чего по спине Эллианны пробежал холод.

Но старуха даже не дрогнула. Она смотрела на него с неожиданным состраданием.

— Сейчас они тебе не нужны.

Каэль застыл.

— Чтоооо?..

— Когда придет время, они вернутся.

Он продолжал смотреть на нее так, будто не понимал ни единого слова. Старуха вздохнула и чуть мягче произнесла:

— Иногда, чтобы узнать, кто ты есть на самом деле, сначала приходится перестать быть тем, кем тебя привык видеть весь мир.

В комнате стало тихо. Настолько тихо, что Эллианна отчетливо слышала, как за окном снова зашумел дождь и как где-то в соседней квартире негромко хлопнула дверь.

Каэль не двигался. Он все еще стоял посреди комнаты, глядя на старуху так, словно пытался понять, что именно только что произошло. Потом медленно поднял руки и снова провел ладонями за спиной.

Пусто. Ни привычной тяжести. Ни едва уловимого движения перьев. Ничего. Он резко вдохнул. Снова попытался призвать крылья. И снова ничего не произошло.

Эллианна впервые видела его настолько растерянным. Казалось, он даже не замечал ни ее, ни старуху, ни темную комнату вокруг. Весь его мир вдруг сузился до одной невозможной мысли. Крыльев больше не было.

— Это невозможно, — произнес он наконец, и голос его прозвучал непривычно глухо.

Старуха слегка склонила голову.

— Для тебя — да.

— Никто не может отнять крылья.

— А я и не отнимала.

Он поднял на нее взгляд. В его глазах медленно начинало появляться что-то похожее на гнев.

— Тогда где они?

Старуха улыбнулась, но на этот раз улыбка была какой-то очень древней. Словно она знала ответы на вопросы, которые еще даже не были заданы.

— Там, где им сейчас безопаснее всего.

— Я не понимаю.

— И не должен.

Она шагнула к окну и провела пальцами по пожелтевшей занавеске.

— Пока.

Это короткое слово прозвучало так спокойно, что даже Эллианна почувствовала, как внутри поднимается тревога.

— Кто вы? — снова спросила она.

Старуха обернулась. Несколько мгновений молча смотрела на нее. Потом тихо произнесла:

— Я была рядом, когда ты родилась.

У Эллианны перехватило дыхание.

— Что?..

— И рядом, когда твоя мать принимала самое трудное решение в своей жизни.

Комната словно стала меньше.

Воздух — тяжелее.

— Вы знали ее настолько хорошо?

Старуха грустно улыбнулась.

— Лучше, чем мне хотелось бы.

Эллианна шагнула ближе.

— Тогда расскажите.

— Не сегодня.

— Почему?

— Потому что некоторые ответы приходят слишком рано и разрушают все, что должно было случиться.

Она говорила спокойно, но в ее голосе не было загадочности. Только усталость. Будто этот разговор происходил далеко не впервые.

— Моя мать была из Эйрилона?

Старуха долго смотрела на нее. Потом едва заметно кивнула. У Эллианны подкосились ноги. Она опустилась на диван, продолжая сжимать в руках письмо.

Все это время Все это время она думала, что ее мать была обычным человеком. Что вся эта история началась только с ней. Только с Разломом. Только с пером.

Но теперь выяснялось, что корни этой истории уходили гораздо глубже. Гораздо дальше.

— Почему она ничего мне не сказала?

Вопрос прозвучал почти по-детски.

Старуха медленно подошла и остановилась напротив.

— Потому что очень тебя любила.

У Эллианны дрогнули губы.

— Это странный способ любить.

— Иногда любовь заставляет нас выбирать не между хорошим и плохим.

Иногда приходится выбирать между двумя бедами.

Она ненадолго замолчала.

— И твоя мать выбрала ту, которая позволяла тебе жить.

В комнате снова стало тихо. За окном медленно проехала машина, и ее свет на мгновение скользнул по лицу старухи.

Каэль наконец поднял голову.

— Почему она спрятала ее именно здесь?

Старуха посмотрела на него так внимательно, словно именно этого вопроса и ждала.

— Потому что Земля никогда не была тем, чем кажется.

Эллианна и Каэль одновременно посмотрели на нее. Она слегка постучала палкой по полу.

— Вы оба думаете, что один мир — это дом магии, а другой — просто мир людей. Но все намного сложнее.

Она медленно перевела взгляд на письмо в руках Эллианны.

— И если Разломы снова открылись значит, пришло время узнать правду.

Она подняла голову. И впервые за весь вечер в ее глазах мелькнула тревога. Настоящая и глубокая.

— Потому что они уже начали просыпаться.

— Кто? — почти одновременно спросили Эллианна и Ка-

эль.

Старуха посмотрела куда-то за окно. В темноту. Будто могла видеть то, что скрывалось далеко за пределами двора.

И тихо ответила:

— Те, кто помнит рождение первого Разлома.

Эллианна нахмурилась.

— Помнит рождение первого Разлома?

Старуха медленно кивнула.

— Некоторые вещи живут гораздо дольше людей, дитя.

— Вы опять говорите загадками.

На этот раз старуха улыбнулась чуть заметно, но улыбка вышла какой-то усталой.

— Потому что правда редко приходит сразу. Если открыть человеку все двери одновременно, он не войдет ни в одну из них.

С этими словами она подошла к окну и осторожно отвела край занавески. За стеклом лежал самый обычный ночной двор: темные окна соседнего дома, мокрый после дождя асфальт, пустая детская площадка и одинокий фонарь, вокруг которого кружились капли.

Ничего необычного. Ничего, что напоминало бы о Разломах, древних пророчествах или мире, существующем по ту сторону реальности. Старуха отпустила занавеску и обернулась.

— Уже поздно. Вам нужно отдохнуть.

Эллианна недоверчиво посмотрела на нее.

— Отдохнуть? После всего, что вы сейчас рассказали?

— Поверь мне, девочка, — тихо ответила старуха, — завтра вопросов станет только больше.

Она уже хотела что-то добавить, но вдруг осеклась. В сознании Эллианны зацепилось одно-единственное слово. Она медленно подняла голову.

— Вы сказали что мама выбрала дать мне жить.

Старуха внимательно посмотрела на нее.

— Да.

— Но она ведь не умерла.

Голос Эллианны прозвучал неожиданно хрипло.

— Она ушла, когда мне было восемнадцать.

В комнате воцарилась тишина. Даже Каэль поднял на нее взгляд.

— Она просто однажды собрала вещи и сказала, что ей нужно ненадолго уехать. Обещала вернуться через несколько недель

Эллианна невесело усмехнулась.

— Но так и не вернулась.

Она опустила глаза на фотографию, которую все еще держала в руках.

— Я искала ее. Ходила в полицию. Обзванивала больницы. Несколько месяцев просыпалась по ночам от каждого телефонного звонка, потому что была уверена, что это она.

Ее пальцы чуть сильнее сжали рамку.

— А потом просто перестала ждать.

Старуха смотрела на нее так, что внутри снова болезненно сжалось сердце. В этом взгляде было слишком много понимания. И слишком много печали.

— Она не бросала тебя, — тихо сказала старуха.

Эллианна резко подняла голову.

— Тогда где она?

Старуха не ответила. И это молчание оказалось страшнее любых слов.

— Где она? — повторила Эллианна уже шепотом.

Старуха медленно отвела взгляд. На несколько долгих секунд в комнате стало так тихо, что было слышно, как за окном ветер шевелит мокрые ветви деревьев. Когда она снова посмотрела на Эллианну, ее лицо стало необыкновенно серьезным.

— Когда придет время, ты узнаешь правду.

Эллианна покачала головой. А потом вдруг почувствовала, как внутри поднимается давно копившаяся злость.

— Нет.

Она поставила фотографию на стол и шагнула вперед.

— Нет, больше не надо.

Голос ее дрогнул, но она уже не могла остановиться.

— Все вокруг что-то знают. Все говорят намеками, полуправдой, загадками. Каждый раз мне говорят: «еще не время», «потом», «ты поймешь позже».

Она тяжело вдохнула.

— Но это моя жизнь.

В глазах неожиданно защипало.

— Моя мать исчезла. Я узнала, что другой мир существует. Что меня хотят убить. Что я какая-то Наследница. И теперь выясняется, что даже мое собственное прошлое оказалось ложью.

Она посмотрела прямо на старуху.

— Я имею право знать хотя бы что-то.

Старуха долго молчала. Потом медленно подошла к ней. Так близко, что Эллианна почувствовала легкий запах дождя и каких-то незнакомых трав. Старые пальцы осторожно коснулись ее щеки. Это прикосновение было таким неожиданно бережным, что она замерла.

— Ты очень похожа на нее, — тихо сказала старуха.

— На маму?

Она кивнула.

— Такая же упрямая. Такая же добрая. И такая же готовая перевернуть весь мир ради тех, кого любит.

На мгновение старуха закрыла глаза. Когда она снова их открыла, в них блеснула влага.

— Она любила тебя больше собственной жизни, дитя.

У Эллианны перехватило дыхание.

— Тогда почему она ушла?

На этот раз ответ пришел не сразу. Старуха посмотрела на фотографию, затем снова перевела взгляд на Эллианну. И лишь потом негромко произнесла:

— Потому что иногда любовь требует исчезнуть.

Эти слова прозвучали так тихо, что почти растворились в ночной тишине квартиры, но именно от них по коже пробежал холод.

Прежде чем Эллианна успела задать следующий вопрос, старуха вдруг повернулась к Каэлю. Он все это время стоял чуть в стороне, непривычно молчаливый, словно все еще пытался осознать потерю крыльев. Несколько секунд она внимательно смотрела на него. Потом вздохнула и очень тихо сказала:

— А ты действительно похож на своего отца.

Слова старухи словно нарушили хрупкое равновесие, установившееся в комнате.

Каэль медленно поднял голову и посмотрел на нее так внимательно, что Эллианне на мгновение показалось, будто он пытается увидеть не лицо стоящей перед ним женщины, а что-то, скрытое за ним.

— Вы снова говорите о моем отце, — произнес он после долгой паузы. — Кто вы?

Старуха не ответила сразу. Она смотрела на него долго и пристально, и в этом взгляде было что-то странное, почти болезненное, словно перед ней стоял не только сам Каэль, но и человек, которого она когда-то очень хорошо знала.

Наконец она тихо сказала:

— Он был хорошим человеком.

Каэль едва заметно нахмурился.

— Вы его знали?

— Да.

— Откуда?

На губах старухи появилась легкая улыбка.

— Ты задаешь слишком много вопросов для человека, который еще несколько минут назад был уверен, что никогда меня не видел.

— Потому что я действительно никогда вас не видел.

Она понимающе кивнула.

— Это неудивительно. Когда ты появился на свет, я уже очень давно не бывала в Эйрилоне.

Несколько секунд Каэль молчал. Потом спросил снова:

— Тогда откуда вы знаете моего отца?

Старуха оперлась на палку и, казалось, на мгновение ушла в собственные воспоминания. Когда она снова заговорила, голос ее стал совсем тихим.

— Потому что однажды он спас мне жизнь.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как дождь негромко стучит по подоконнику. Эллианна перевела взгляд на Каэля. Он стоял неподвижно, но что-то в его лице изменилось. Совсем немного.

Будто один-единственный камень сдвинулся с места, нарушив привычный порядок вещей.

— Мой отец был воином, — произнес он наконец.

— Да.

— И погиб много лет назад.

В глазах старухи мелькнула печаль.

— Знаю.

Это короткое слово прозвучало так тихо, что отчего-то показалось тяжелее любого длинного рассказа. Каэль долго смотрел на нее. Потом медленно спросил:

— Как его звали?

На этот раз старуха улыбнулась чуть заметнее.

— Ты проверяешь меня?

— Возможно.

Она понимающе кивнула.

— Рэйтар Ноктис.

Воздух словно стал плотнее. Эллианна увидела, как взгляд Каэля дрогнул. Имя было произнесено без колебаний. Правильно. Он медленно опустил глаза.

— Отец редко говорил о своей жизни, — тихо сказал он спустя несколько секунд. — Почти никогда.

— Это было на него похоже.

Улыбка старухи стала теплее.

— Он больше любил слушать, чем рассказывать. И всегда приходил на помощь тем, кто в ней нуждался, даже если это грозило неприятностями ему самому.

Она ненадолго замолчала, словно снова увидела перед собой человека, которого давно уже не было рядом.

— А еще он был ужасно упрям.

Эллианна невольно перевела взгляд на Каэля.

Тот заметил это сразу.

— Не смотрите на меня так.

Несмотря на усталость, уголки ее губ едва заметно дрогнули.

— Как именно?

— Будто только что нашли объяснение всем моим недостаткам.

Старуха негромко рассмеялась. Смех ее оказался неожиданно теплым и живым.

— Да сходство определенно есть.

Каэль тяжело вздохнул и провел ладонью по лицу. Весь этот день, а затем и эта бесконечная ночь казались каким-то странным сном, в котором каждое новое событие оказывалось невероятнее предыдущего.

Он потерял крылья. Оказался в мире, существование которого прежде считал почти легендой. Узнал, что незнакомая старуха знала его отца. И при этом все вокруг вели себя так, будто ничего необычного не происходит.

— Я устал, — произнес он наконец.

Старуха внимательно посмотрела на него.

— Знаю.

Он поднял взгляд.

— Тогда, может быть, вы хотя бы объясните, что со мной происходит?

На несколько секунд она замолчала. Потом покачала головой.

— Нет.

Даже Эллианна тихо выдохнула от разочарования. Стару-

ха посмотрела на нее и виновато улыбнулась.

— Не потому, что не хочу. Просто некоторые ответы человек должен найти сам.

Она снова перевела взгляд на Каэля.

— Иногда судьба забирает у нас привычную силу только затем, чтобы показать другую.

Он ничего не ответил. Сейчас эти слова казались ему пустыми, потому что внутри по-прежнему зияла непривычная, почти болезненная пустота. Он всю жизнь ощущал свои крылья так же естественно, как собственное дыхание. И теперь впервые не понимал, кем является без них.

Старуха словно прочитала его мысли.

— Не бойся, мальчик.

Она слегка постучала палкой по полу.

— Ты ничего не потерял. Ты всего лишь перестал прятаться за тем, кем тебя привык видеть мир.

Эти слова повисли в комнате. Никто не нашелся, что ответить.

За окном продолжал идти дождь, тихо шумели деревья, а где-то вдалеке проехала машина, напомнив, что за стенами квартиры существует обычная жизнь, в которой не бывает Разломов, исчезающих крыльев и древних пророчеств.

Наконец старуха посмотрела на настенные часы.

— А теперь вам действительно пора отдохнуть.

Эллианна моргнула.

— Вы уходите?

— Конечно.

Она произнесла это так, словно речь шла о чем-то совершенно естественном.

— Но я еще приду.

— Когда?

Старуха уже подошла к двери. Ее пальцы легли на ручку, но она не спешила открывать.

— Когда понадобится.

Она уже собиралась выйти, когда вдруг остановилась и, не оборачиваясь, тихо добавила:

— И пожалуйста не выбрасывайте темное перо.

Эллианна почувствовала, как сердце пропустило удар.

— Почему?

Старуха слегка повернула голову. В полумраке ее глаза вдруг показались удивительно молодыми.

— Потому что очень скоро оно снова укажет вам дорогу.

С этими словами старуха взялась за дверную ручку. Холодный воздух из подъезда сразу ворвался в квартиру, слегка шевельнув занавески и лежащий на столе пожелтевший лист бумаги. На одно короткое мгновение Эллианне показалось, что вместе с этим сквозняком из комнаты уходит и что-то еще — хрупкое чувство, будто рядом есть человек, который знает ответы на все вопросы.

— Подождите — выдохнула она и шагнула следом.

Но за порогом уже никого не оказалось. Эллианна замерла.

Лестничная площадка была совершенно пуста. Под потолком все так же мигала старая лампочка, где-то этажом ниже хлопнула дверь, послышались приглушенные голоса соседей, а потом снова наступила привычная ночная тишина.

Никакой старухи. Словно она никогда здесь не стояла.

Несколько секунд Эллианна просто смотрела перед собой, не в силах поверить собственным глазам.

— Это невозможно — почти шепотом произнесла она.

За ее спиной послышались шаги. Каэль остановился рядом и внимательно оглядел площадку, затем перевел взгляд на лестницу, на лифт, на темный пролет этажом выше и только после этого медленно покачал головой.

— Она не могла уйти так быстро.

Эллианна подняла на него глаза.

— Значит мне не показалось?

Он повернулся к ней.

— Нет.

На несколько секунд он замолчал, словно подбирал слова.

— Но и человеком она тоже не была.

Эти слова почему-то заставили Эллианну поежиться. Они еще некоторое время стояли на пороге, прислушиваясь к ночной тишине, пока взгляд Каэля неожиданно не остановился на чем-то у самой двери.

Он слегка нахмурился.

— Подождите.

— Что?

Несколько секунд Эллианна продолжала смотреть в пустой коридор, будто все еще надеялась увидеть ее фигуру на лестнице. Потом тихо произнесла:

— Она сказала тому, кто придет за мной.

Каэль повернул голову.

— Что?

Она медленно подняла на него взгляд.

— Когда я встретила ее на набережной, она оставила мне белое перо.

Он нахмурился.

— Белое?

Эллианна кивнула.

— И сказала не выбрасывать его. Потому что однажды оно понадобится тому, кто придет за мной.

Тишина стала почти осязаемой. Каэль несколько секунд смотрел на нее, словно не понимая, к чему она ведет. Потом его лицо медленно изменилось.

— Вы думаете

Она нервно усмехнулась.

— Я уже не знаю, что думать. Вы.

За окном негромко прогремел гром. Каэль отвел взгляд. Почему-то от этих слов ему стало не по себе.

Он вдруг вспомнил темную набережную Эйрилона, первый взгляд на человеческую женщину, приказ убить ее и собственное необъяснимое нежелание это сделать.

Вспомнил, как каждый раз оказывался рядом, когда ей

грозила опасность. И как в итоге шагнул за ней в Разлом, оставив позади весь свой мир.

Он медленно выдохнул.

— Мне не нравится это совпадение.

Эллианна чуть грустно улыбнулась.

— Мне кажется, мы давно вышли за пределы обычных совпадений.

Несколько долгих секунд они молчали.

За окном снова зашумел дождь, и где-то далеко прокатился глухой раскат грома, словно напоминая, что мир за пределами этой квартиры продолжает жить своей привычной жизнью. Только для них обоих этой привычной жизни больше не существовало.

Каэль медленно отвел взгляд.

— Мне не нравится, когда чьи-то слова начинают звучать как пророчество.

Эллианна невесело усмехнулась.

— А мне кажется, в моей жизни их стало слишком много.

Она устало провела ладонью по лицу. Сил почти не осталось. Все, что произошло за последние часы, не укладывалось в голову: Бал Двух Лун, переворот, лицо Лиора по ту сторону Разлома, исчезнувшая старуха, письмо матери, тайны прошлого и Каэль, который стоял сейчас посреди ее гостиной без крыльев, словно часть его самого навсегда осталась в другом мире.

— Я больше ничего не понимаю, — тихо призналась она.

Он поднял на нее взгляд. Впервые за весь вечер она выглядела не Наследницей Разлома и не женщиной, из-за которой могут начаться войны. Она выглядела просто уставшей. Очень уставшей.

В своем праздничном платье, расшитом серебром, с растрепанными волосами и потухшими глазами она казалась удивительно хрупкой, и от этого внутри у него вдруг шевельнулось что-то странное.

Он помолчал, а потом негромко произнес:

— Тогда не пытайтесь понять все сегодня.

Она посмотрела на него и чуть покачала головой.

— Хороший совет.

— Иногда это единственный возможный.

На этот раз она не стала спорить. Вместо этого внимательно посмотрела на него, и выражение ее лица вдруг изменилось.

— Вы ранены.

Каэль нахмурился, словно только сейчас вспомнил о собственном плече. Он опустил взгляд на темную ткань, по которой расползалось пятно крови, и равнодушно произнес:

— Пустяки.

Эллианна недоверчиво подняла брови.

— У вас кровь идет.

— Бывало хуже.

— Это вообще не утешает.

Он едва заметно вздохнул. Кажется, спорить сейчас у него

действительно не было сил. Эллианна молча развернулась и направилась в сторону ванной комнаты.

— Куда вы? — спросил он.

— За аптечкой.

Он нахмурился еще сильнее.

— За чем?

Она остановилась и медленно обернулась. Несколько секунд просто смотрела на него. Потом тихо рассмеялась. Усталость никуда не исчезла, но этот короткий смех вдруг показался ей почти спасением.

— Не спрашивайте.

— Я должен знать, что это такое.

— Это коробка, в которой лежат вещи для обработки ран.

Он посмотрел на нее с искренним удивлением.

— Вы собираетесь лечить меня?

— Именно это я только что и сказала.

Каэль помолчал. Потом совершенно серьезно ответил:

— В этом нет необходимости.

Эллианна прикрыла глаза.

— Конечно.

— Рана неглубокая.

— Вы даже не смотрели на нее.

Он хотел возразить, но неожиданно понял, что она права. Он действительно не смотрел. Она заметила это и покачала головой.

— Иногда вы бываете совершенно невозможным.

В уголках его губ мелькнула едва заметная тень улыбки.
— Мне уже говорили.

Она замерла. Перед глазами на мгновение вспыхнула галерея дворца, вечерний свет, их короткий спор и собственные слова:

«Вы самый невозможный человек из всех, кого я встречала».

Это было всего несколько часов назад. А казалось — целую жизнь. Улыбка медленно исчезла с ее лица. Он тоже вспомнил. И, кажется, впервые за весь вечер пожалел, что некоторые вещи уже невозможно вернуть.

— Подождите здесь, — тихо сказала она.

Он ничего не ответил. Только молча проводил ее взглядом. Когда Эллианна скрылась за дверью ванной, Каэль медленно опустился на край дивана и впервые за эту бесконечную ночь позволил себе закрыть глаза. Тишина квартиры казалась непривычной. Слишком спокойной. Слишком обычной. Не было шума дворца, голосов стражи, шелеста крыльев за спиной. От этой мысли он снова открыл глаза. Пустота никуда не исчезла. Он машинально повернул голову, словно ожидал увидеть за плечами темно-серебристые перья. Ничего.

И именно в этот момент он впервые по-настоящему понял, что остался без них. Не на несколько минут. Не на один вечер. Он не знал, на сколько. И не знал, кем теперь является.

— Вам идет задумчивость.

Он поднял голову. Эллианна стояла в дверях, держа в руках небольшую пластиковую коробку. Она уже сняла туфли, и теперь казалась почти той женщиной, которую он впервые увидел на Земле, — немного растерянной, немного уставшей, но удивительно настоящей. Он перевел взгляд на коробку.

— Это и есть аптечка?

Она кивнула.

— Да.

— И она действительно помогает?

На этот раз она улыбнулась чуть теплее.

— Иногда даже лучше магии.

Подойдя ближе, Эллианна поставила коробку на столик и осторожно села рядом. Потом подняла на него глаза.

— Покажите плечо.

Он посмотрел на нее несколько секунд.

— Это обязательно?

— Да.

Он снова помолчал. А потом неожиданно понял, что спорить у него просто не осталось сил.

И впервые за очень долгое время без единого возражения подчинился чужой просьбе. Каэль медленно снял темный плащ и положил его рядом.

Ткань сразу же окрасилась еще сильнее, и Эллианна невольно поморщилась.

— Вы называете это пустяком?

Он опустил взгляд на плечо, словно только сейчас решил проверить, о чем именно идет речь.

— Да.

— Тогда мне даже страшно представить, что в вашем мире считается серьезной раной.

На его лице появилось что-то похожее на тень улыбки.

— Обычно то, после чего уже не встают.

Эллианна подняла на него взгляд. Несколько секунд она пыталась понять, шутит он или говорит совершенно серьезно. Судя по его лицу, он не видел в своих словах ничего необычного. Она только тяжело вздохнула и открыла аптечку.

— Не двигайтесь.

— Я и не собирался.

Осторожно отодвинув край разорванной ткани, она замерла. Рана оказалась гораздо глубже, чем ей показалось сначала. Кожа вокруг потемнела, словно лезвие, которым его ранили, было не совсем обычным.

Эллианна нахмурилась, внимательнее рассматривая рану.

— Это сделали во дворце?

Каэль коротко кивнул.

— Один из нападавших.

Она осторожно коснулась потемневшей кожи вокруг пореза.

— Чем?

Он на мгновение задумался, словно пытался восстановить в памяти события, произошедшие всего несколько часов назад.

— Клинком.

Она подняла на него взгляд.

— Спасибо, это невероятно подробный ответ.

В уголках его губ мелькнула едва заметная улыбка. И почему-то именно эта почти незаметная перемена заставила ее на несколько секунд забыть о ране.

Она вдруг поймала себя на мысли, что впервые видит его таким.

Не командующим Дома Ноктис, не человеком, который всегда знает, что делать и как действовать, не воином, привыкшим принимать удары судьбы так же спокойно, как удары меча.

Сейчас перед ней сидел просто очень уставший мужчина, оказавшийся в чужом мире и позволяющий ей обрабатывать свою рану.

Эта мысль показалась такой странной и такой неправильной, что ей даже стало немного не по себе.

— Сейчас будет неприятно, — предупредила она, открывая бутылочку с антисептиком.

Он посмотрел на прозрачную жидкость с откровенным подозрением.

— Это яд?

Эллианна едва сдержала улыбку.

— Нет.

— Тогда почему вы смотрите на меня так, словно собираетесь попытаться?

Она все-таки улыбнулась.

— Потому что вы сейчас будете утверждать, что вам совсем не больно.

Он встретил ее взгляд совершенно спокойно.

— Мне не будет больно.

Она ничего не ответила. Лишь взяла ватный диск и осторожно коснулась раны. Каэль резко вдохнул. Настолько резко, что она тут же подняла голову.

— Больно?

Он молчал несколько секунд, будто действительно обдумывал ответ, а потом совершенно серьезно произнес:

— Нет.

Эллианна медленно моргнула.

— Правда?

— Конечно.

— Тогда почему вы только что перестали дышать?

На этот раз он действительно задумался. Даже слегка нахмурился, словно вопрос требовал самого серьезного размышления.

— Разве?

— Да.

Он еще несколько секунд смотрел куда-то перед собой, а потом с полной убежденностью заключил:

— Значит, вам показалось.

Она смотрела на него долго. Одно мгновение. Потом другое. И вдруг почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Сначала с губ сорвался тихий смешок, почти незаметный, но уже через секунду он превратился в смех, который она больше не могла сдерживать.

Наверное, дело было вовсе не в его ответе. Просто за одну ночь произошло слишком много невозможного.

Еще совсем недавно она танцевала на Балу Двух Лун, слушала признание Лиора и смотрела на сияющий Люменор, а теперь сидела в собственной квартире рядом с мужчиной из другого мира, который потерял крылья и с совершенно серьезным видом убеждал ее, что глубокая рана совсем не причиняет ему боли.

Это было настолько невероятно, настолько абсурдно, что разум наконец отказался воспринимать происходящее всерьез. Она смеялась и чувствовала, как вместе со смехом изнутри уходит напряжение, которое слишком долго не находило выхода.

Но в какой-то момент глаза вдруг защипало. Она не сразу поняла, что на ресницах появились слезы. Смех постепенно стихал, а она все еще сидела, прижимая ладонь ко рту, будто пыталась взять себя в руки.

Каэль наблюдал за ней с таким искренним недоумением, словно видел перед собой нечто совершенно непонятное.

Когда она наконец подняла голову, он негромко спросил:

— Вы плачете?

В его голосе не было ни тревоги, ни раздражения, ни растерянности. Только спокойное желание понять то, чего он никогда прежде не видел.

Эллианна быстро коснулась уголка глаза и невольно улыбнулась.

— Нет.

Он слегка нахмурился.

— Но у вас слезы.

Она опустила взгляд на свои руки. Потом медленно выдохнула.

— Иногда люди смеются именно тогда, когда им очень хочется плакать.

Он ничего не ответил. Она же вдруг поняла, насколько устала. Не телом. Душой.

Так, словно за последние несколько дней прожила сразу несколько разных жизней и теперь просто не знала, какая из них настоящая.

Когда она снова подняла голову, Каэль все еще смотрел на нее. Очень внимательно. Так внимательно, словно пытался понять что-то гораздо более важное, чем смысл ее слов.

Наконец он тихо произнес:

— На Земле все действительно устроено очень странно.

И именно эта серьезность, с которой он сказал совершенно простую вещь, окончательно разрушила остатки ее самобладания. Она снова тихо рассмеялась, одновременно вы-

тирая слезы.

А он вдруг понял, что впервые за весь этот бесконечный вечер хочет только одного.

Чтобы она больше никогда не плакала так.

Несколько минут они сидели молча. Эллианна осторожно закончила перевязку и отложила бинт.

— Вот и все.

Каэль посмотрел на свое плечо, потом на нее.

— И теперь оно заживет?

— Если не будете делать глупостей — да.

Он слегка нахмурился.

— А что считается глупостью?

Она впервые за долгое время улыбнулась почти по-настоящему.

— Например, сражаться с кем-нибудь посреди ночи.

— Понятно.

По выражению его лица было совершенно ясно, что ему ничего не понятно. Она тихо вздохнула и закрыла аптечку.

Тишина снова опустилась на квартиру, и, возможно, именно поэтому они оба слышали этот звук сразу. Он был таким тихим, что его легко можно было принять за игру воображения, — едва различимый скрип, будто где-то в глубине квартиры медленно сдвинулось что-то деревянное.

Эллианна подняла голову.

— Вы слышали?

Каэль уже был на ногах. Усталость никуда не исчезла, но

сейчас в его лице снова появилось что-то от прежнего воина: внимательный взгляд, напряженная сосредоточенность, готовность встретить опасность еще до того, как она покажет себя.

Он медленно обвел комнату взглядом. Скрип повторился. На этот раз немного отчетливее. И теперь не оставалось сомнений — звук доносился из спальни. Они переглянулись.

Эллианна первой поднялась с дивана, сама не понимая, почему сердце вдруг забилось быстрее. Она совершенно точно помнила, что перед уходом на бал закрывала дверь спальни. Теперь же она была слегка приоткрыта, и между дверью и косяком темнела узкая полоска тени.

— Я закрывала ее, — почти шепотом произнесла она.

Каэль ничего не ответил. Он лишь медленно направился к двери и, остановившись на мгновение, осторожно толкнул ее. Комната встретила их тишиной. На первый взгляд она казалась совершенно пустой и такой же, какой Эллианна оставила ее несколько часов назад.

Но уже в следующую секунду она увидела это.

На кровати что-то лежало. Небольшая деревянная шкатулка. Она замерла так резко, словно время внезапно остановилось. Эту шкатулку она узнала бы среди сотен других.

Именно в ней мать хранила свои самые дорогие вещи: старые письма, несколько украшений и какие-то бумаги, которые никогда не позволяла трогать.

Но самое главное заключалось в другом. Эта шкатулка ис-

чезла вместе с ней много лет назад.

— Нет — едва слышно прошептала Эллианна.

Она медленно подошла ближе, словно боялась, что находка исчезнет, стоит ей моргнуть. Крышка была слегка приоткрыта.

Внутри лежал старый серебряный медальон, рядом с ним — маленький ключ, потемневший от времени, а поверх всего находилась сложенная записка.

Пальцы дрогнули, когда она взяла ее. Записка была короткой. Всего три слова.

Но почерк она узнала сразу. Почерк своей матери.

«Не верь зеркалам».

Холод медленно пробежал по спине. Она еще не успела поднять глаза от записки, когда за ее спиной раздался тихий, почти хрустальный звук. Будто что-то тонкое дало трещину. Эллианна медленно обернулась. Стоявшее напротив кровати зеркало пересекла длинная трещина. Потом вторая. А в следующее мгновение ей показалось, что в темном отражении мелькнуло женское лицо.

Лицо, которое она не видела много лет.

Лицо своей матери.

Эллианна не могла пошевелиться.

Она стояла посреди комнаты, сжимая в пальцах записку, и смотрела в зеркало, где только что увидела лицо матери.

Трещины медленно расползались по стеклу, ломая отражение на десятки неровных осколков.

За ее спиной послышались шаги. Каэль подошел ближе и остановился рядом.

— Что случилось?

Она не ответила, лишь подняла руку и указала на зеркало. Он перевел взгляд на отражение. Там уже ничего не было.

Уставшая женщина в помятом бальном платье и высокий темноволосый мужчина в чужом для него мире. Несколько секунд в комнате стояла полная тишина. А потом из глубины зеркала вдруг донесся тихий звук. Едва слышный. Будто кто-то очень медленно провел пальцами по стеклу с другой стороны. Эллианна почувствовала, как похолодели руки. Каэль мгновенно шагнул вперед, заслоняя ее собой.

Звук повторился. Еще раз. И еще.

После чего на запотевшей поверхности зеркала медленно начали проступать буквы.

Сначала одна. Потом другая. Словно невидимая рука выводила их прямо изнутри. Они оба неотрывно смотрели на стекло. Наконец появилась последняя буква.

И в комнате воцарилась такая тишина, что было слышно только их дыхание.

На зеркале было написано всего три слова.

«Он уже здесь».

И в тот же миг где-то в глубине квартиры тихо скрипнула входная дверь.

Глава 2 Дворец

Праздничный зал изменился до неузнаваемости.

Еще совсем недавно под его высокими сводами звучала музыка, кружились пары и переливались сотни огней, отражаясь в белом мраморе пола. Теперь же повсюду были разбросаны осколки бокалов, опрокинутые кресла и темные пятна крови, которые казались особенно чужими среди серебра и золота праздничного убранства.

Даже воздух стал другим.

Исчезли ароматы цветов и вина, исчезло ощущение праздника. Их место заняли запах дыма, металла и лекарственных трав, которыми целители пытались помочь раненым.

Повсюду слышались приглушенные голоса. Стражники отдавали распоряжения, целители спешили к раненым, кто-то искал родных, а кто-то тихо плакал, все еще не в силах поверить в случившееся. Но для Лиора эти звуки словно доносились из другого мира.

Он стоял посреди зала и смотрел туда, где совсем недавно открылся Разлом. Теперь над белым мрамором не осталось ничего. Лишь пустота. Если бы он закрыл глаза, то все равно увидел бы ее.

Лицо Эллианны, ее растерянный взгляд и тот короткий миг, когда черная бездна разделила их, не оставив времени ни для слов, ни для объяснений. Он опоздал всего на

несколько секунд. На одно решение. На один удар сердца. И все же иногда именно этого оказывается достаточно, чтобы навсегда изменить человеческую жизнь.

— Ваше Высочество.

Голос прозвучал совсем рядом, но Лиор не сразу понял, что обращаются к нему. Лишь спустя несколько мгновений он медленно повернул голову.

Перед ним стоял один из командиров дворцовой стражи. Его светлая форма была испачкана кровью и пеплом, а на лице читалась такая усталость, словно эта ночь длилась не несколько часов, а несколько лет.

— Последние нападавшие задержаны, — произнес он.

Лиор ничего не ответил. Командир помедлил и продолжил:

— Нескольким удалось скрыться. Мы уже отправили отряды на поиски.

Ответа по-прежнему не последовало. Мужчина едва заметно нахмурился.

— Ваше Высочество

Лиор наконец поднял на него взгляд, и командир неожиданно замолчал. Он никогда прежде не видел наследника таким. Не разгневанным, не потрясенным и даже не сломленным. Его спокойствие казалось почти пугающим. Таким бывает море перед бурей.

— Сколько погибших? — тихо спросил Лиор.

— Девять.

Слова прозвучали негромко, но почему-то показались тяжелее любого крика. Еще утром этот день обещал стать одним из самых светлых праздников года. Теперь же его будут вспоминать совсем по другой причине. Лиор медленно закрыл глаза.

— Раненые?

— Двадцать три человека.

Он слегка кивнул.

— Среди них есть дети?

— Нет, Ваше Высочество.

Только после этого он едва заметно выдохнул, словно все это время внутри него был натянут невидимый канат.

Несколько мгновений Лиор снова смотрел на опустевший зал, а потом спросил:

— Архонт?

— Во дворце.

— Отец?

— Ожидает вас в Зале Совета.

На этот раз ответ не понадобился. Лиор и без того знал, о чем будет этот разговор. И понимал, что избежать его невозможно. Он еще раз посмотрел на место, где исчез Разлом. Перед глазами вновь возникло лицо Эллианны.

Что она увидела в последний миг?

Что он не успел ее спасти? Или что не выбрал ее?

Эта мысль отозвалась внутри тупой, неожиданно сильной болью. Он медленно опустил взгляд на свои руки. Пальцы

все еще помнили прикосновение ее ладони.

Совсем недавно она стояла рядом с ним, смеялась, смотрела на Люменор так, будто видела его впервые. А теперь между ними лежал целый мир. Лиор поднял голову.

За высокими окнами дворца уже начинал светлеть горизонт. Ночь уходила, уступая место рассвету, и вместе с ней заканчивалась его прежняя жизнь.

Он медленно развернулся и направился к выходу. Шаги гулко отдавались под высокими сводами опустевшего зала, а первые лучи солнца уже касались белого мрамора, словно возвещая о начале нового дня.

Дня, в котором ему предстояло стать тем, кем он никогда не хотел быть.

Двери Зала Совета были распахнуты.

Два стражника, стоявшие по обе стороны входа, одновременно склонили головы, когда Лиор приблизился, но он даже не заметил этого. Мысли его были слишком далеко отсюда.

Он вошел внутрь. В огромном круглом зале горели лишь несколько светильников. Их мягкий золотистый свет ложился на белый камень пола и длинный стол из темного дерева, за которым сейчас никого не было.

Солариарх стоял у высокого окна. Он не обернулся сразу, словно уже давно слышал шаги сына и все это время собирался с мыслями. За окном медленно занимался рассвет.

Парящие острова еще утопали в утреннем тумане, а две луны, бледные и почти прозрачные, постепенно растворялись в светлеющем небе.

Лиор остановился в нескольких шагах от отца. Некоторое время в зале царило молчание. Наконец Солариарх тихо произнес:

— Когда ты был маленьким, ты однажды спросил меня, почему правители так редко улыбаются.

Лиор медленно поднял взгляд. Отец все еще смотрел в окно.

— Помнишь, что я тебе тогда ответил?

— Что однажды я сам это пойму.

Солариарх едва заметно кивнул.

— Да.

Он наконец повернулся. За эту ночь он будто постарел на несколько лет.

На его лице не было ни гнева, ни разочарования, только глубокая усталость человека, который слишком хорошо знает цену принятых решений.

— Сегодня ты понял.

Лиор ничего не ответил. Потому что понимал: отец прав.

Он понял это в тот самый миг, когда увидел, как закрывается Разлом.

Солариарх медленно подошел к столу и положил ладонь на его темную поверхность.

— Девять погибших, — тихо произнес он. — Двадцать

три раненых. Нападение в самом сердце дворца. На празднике, который должен был объединить Великие Дома.

Он поднял взгляд на сына.

— И все это только начало.

Лиор медленно сжал пальцы.

— Я знаю.

— Нет.

В голосе отца не было жесткости, но именно поэтому его слова прозвучали еще тяжелее.

— Ты пока не знаешь.

Он сделал несколько шагов и остановился напротив сына.

— Если бы сегодня ты ушел за ней, в Эйрилоне началась бы война.

Лиор поднял глаза.

— Я знаю.

— Нет, Лиор.

Теперь в голосе Солариарха появилась печаль.

— Ты знаешь это разумом. Но еще не принял сердцем.

В зале снова стало тихо. За окном медленно занимался новый день.

— Они дали тебе выбор, — наконец произнес отец. — И это был самый жестокий выбор из всех возможных.

Лиор долго молчал. Потом тихо спросил:

— А если я выбрал неправильно?

Солариарх смотрел на него так долго, что казалось, будто ответ так и не прозвучит. Но наконец он сказал:

— Правители очень редко выбирают между добром и злом.

Он сделал небольшую паузу.

— Чаще всего им приходится выбирать между двумя потерями.

Лиор опустил взгляд. Эти слова больно отозвались внутри. Потому что именно так он себя сейчас и чувствовал. Словно потерял что-то, чему даже не успел дать имя.

— Мне жаль ее, — тихо сказал Солариарх.

Лиор резко поднял голову. Отец впервые за весь разговор произнес это вслух. Не Наследницу. Не земную женщину. Ее. Эллианну.

— И мне жаль тебя.

Лиор медленно выдохнул. Несколько секунд он просто стоял, не находя слов.

Потом едва слышно спросил:

— Что будет дальше?

Солариарх подошел к окну и снова посмотрел на просыпающийся Люменор.

— Дальше ты наденешь корону раньше, чем мы оба ожидали.

Лиор замер. В комнате стало так тихо, что было слышно лишь потрескивание светильников. Он медленно поднял взгляд.

— О чем ты говоришь?

Солариарх не сразу ответил. Когда же он наконец повер-

нулся, в его глазах было что-то, чего Лиор никогда прежде не видел.

Прощание.

— О том, сын мой, что этой ночью изменился не только твой мир. И впервые за много лет мне кажется, что мой путь подходит к концу.

Несколько долгих мгновений Лиор просто смотрел на отца, не понимая смысла услышанных слов. За высокими окнами медленно разгорался рассвет, окрашивая облака в мягкое золото, но в Зале Совета все еще царила ночь.

— Не говори так, — тихо произнес он.

Солариарх едва заметно улыбнулся. Улыбка вышла усталой.

— Иногда мне кажется, что родители совершают одну и ту же ошибку во всех мирах.

Лиор нахмурился.

— Какую?

— Думают, что у них впереди еще очень много времени.

Он медленно провел ладонью по темной поверхности стола, словно вспоминал что-то далекое.

— А потом однажды понимают, что это не так.

Лиор сделал шаг вперед, и в его взгляде впервые за весь разговор появилось что-то похожее на тревогу.

— Ты болен?

Солариарх поднял на него глаза. Несколько долгих мгновений он молчал, будто подбирал слова, которые никогда не

хотел произносить вслух. Потом едва заметно покачал головой.

— Нет.

Он ненадолго замолчал, а затем тихо добавил:

— Но Источник уже давно говорит со мной иначе.

Эти слова прозвучали негромко, но у Лиора вдруг похолодело внутри. Каждый ребенок Эйрилона знал, что они означают.

Источник никогда не отнимает силу сразу. Он меняется постепенно, почти незаметно, словно река, которая однажды начинает течь по другому руслу. Иногда магия становится сильнее, иногда, наоборот, начинает угасать, а иногда Об этом никто не любил говорить. Потому что некоторые вещи лучше не называть.

— Сколько? — почти шепотом спросил Лиор.

На губах Солариарха появилась грустная улыбка.

— Не знаю. Месяц, год возможно, больше. А может быть, и меньше. В этом и заключается особенность Источника — он никогда не называет сроков. Он лишь напоминает, что ничто в этом мире не длится вечно.

Тишина снова опустилась на зал. Лиор медленно покачал головой.

— Нет.

Это короткое слово прозвучало так, словно он пытался убедить не отца, а самого себя.

— Ты ошибаешься.

Солариарх посмотрел на него с той тихой печалью, которая появляется только у людей, уже принявших неизбежное.

— Хотел бы.

— Архонт сможет что-нибудь сделать.

Улыбка на лице правителя стала чуть теплее.

— Иногда даже Архонт бессилен, сын мой.

Лиор отвернулся к окну, потому что больше не хотел этого слышать. Не сегодня. Не после этой ночи, которая отняла у него слишком многое.

За несколько коротких часов привычный мир начал рушиться, и теперь каждый новый разговор приносил лишь очередную потерю.

Через несколько мгновений он услышал шаги. Солариарх подошел и остановился рядом.

Некоторое время они молча смотрели на просыпающийся Люменор. Над парящими островами медленно поднималось солнце, и его первые лучи уже окрашивали облака в мягкое золото. Город пробуждался, не зная, что эта ночь навсегда изменила судьбу Эйрилона.

Наконец Солариарх тихо произнес:

— Когда я был молод, мне казалось, что самое страшное, что может случиться с правителем, — это война.

Лиор медленно повернул голову.

— А потом?

Правитель долго молчал, прежде чем ответить. Его взгляд был устремлен куда-то вдаль, словно он видел не сияющий

город за окном, а годы собственной жизни.

— Потом я понял, что любая война однажды заканчивается. Гораздо страшнее тот день, когда понимаешь, что должен отпустить тех, кого любишь, потому что больше не можешь идти рядом с ними.

Эти слова неожиданно больно отозвались в груди. Потому что именно так чувствовал себя сейчас сам Лиор. Он невольно закрыл глаза, и перед ним снова возникло лицо Эллианны. Он увидел ее улыбку, серо-голубые глаза, в которых всегда было чуть больше вопросов, чем она позволяла себе задавать вслух, почувствовал тепло ее ладони в своей руке и вспомнил последний взгляд, брошенный на него перед тем, как Разлом поглотил ее.

Он не знал, увидит ли ее когда-нибудь снова. И почему-то именно эта мысль причиняла боль сильнее всего.

— Ты любишь ее?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Лиор не сразу понял его смысл. Он медленно повернулся к отцу. Солариарх смотрел на него спокойно, без осуждения и без любопытства, словно просто ждал честного ответа.

Лиор долго молчал. Ответ оказался гораздо сложнее, чем должен был быть.

Все произошло слишком быстро, слишком неожиданно, и он не успел разобраться в собственных чувствах. Но одно он понимал совершенно ясно: мысль о том, что он больше никогда не увидит Эллианну, казалась почти невыносимой.

— Не знаю, — наконец тихо произнес он.

Солариарх едва заметно кивнул, будто услышал именно тот ответ, которого ожидал.

— Иногда сердце понимает раньше разума.

Лиор ничего не ответил. Он вдруг почувствовал такую усталость, какой не испытывал никогда прежде. Это была не усталость наследника, не усталость будущего правителя и даже не усталость человека после тяжелого боя. Так чувствует себя тот, кто за одну ночь потерял слишком многое и еще не знает, как жить дальше.

Именно в этот момент двери Зала Совета бесшумно открылись. Ни он, ни Солариарх этого не заметили.

За порогом стояла женщина в платье цвета темного золота. Ее пальцы медленно сжались на дверной ручке, а взгляд был прикован к двум фигурам у окна.

Она слышала не весь разговор, а лишь несколько последних фраз. Но иногда и этого бывает достаточно. Особенно для того, кто умеет слушать.

На безупречном лице Миреллы не дрогнул ни один мускул. Лишь в глубине золотистых глаз медленно вспыхнул холодный свет.

Наследница жива. Этого она не ожидала.

Очень медленно женщина отступила назад, и двери снова бесшумно закрылись.

На ее губах появилась едва заметная улыбка — настолько легкая, что любой другой человек не заметил бы ее вовсе.

Так улыбаются люди, которые только что поняли: игра еще далека от завершения.

Мирелла неторопливо шла по пустому коридору дворца.

Первые лучи рассвета уже проникали сквозь высокие арки, ложась на белый мрамор длинными золотистыми полосами, но она почти не замечала их. Ее мысли были заняты совсем другим.

Наследница жива.

Она повторила эти слова про себя еще раз, словно пробуя их на вкус. Жива.

Значит, Разлом закрылся не так, как должен был.

Значит, кто-то успел провести ее через него.

Значит, игра стала намного опаснее.

Мирелла медленно остановилась у открытой галереи. Утренний ветер легко коснулся ее волос и сложенных за спиной золотистых крыльев. Внизу, далеко под дворцом, начал просыпаться Люменор. Кто-то спешил по улицам, зажигались первые лавки, над крышами поднимался дым. Город жил своей жизнью, не подозревая, насколько близко подошел к краю.

На губах женщины появилась едва заметная улыбка. Она всегда знала, что пророчества редко умирают так легко.

Слишком много лет было потрачено на поиски, слишком много жизней разрушено и слишком много тайн скрывалось за именем Наследницы Разлома, чтобы Мирелла могла сейчас просто забыть об этом.

За ее спиной послышались шаги. Она не обернулась. Ей не было нужды смотреть, чтобы понять, кто приближается.

— Вы хотели меня видеть?

Мужской голос прозвучал негромко, и только тогда Мирелла медленно повернула голову. Перед ней стоял человек в темном плаще. Его лицо скрывала серебристая маска, оставляя открытыми лишь глаза.

— Да.

Он почтительно склонил голову.

— Нам не удалось выполнить приказ.

— Я уже знаю.

В ее голосе не было ни раздражения, ни гнева, и именно это заставило мужчину внутренне напрячься. Он слишком хорошо знал свою госпожу и понимал: ее спокойствие иногда опаснее ярости.

Некоторое время Мирелла молча смотрела на него, словно оценивая не только слова, но и все, что осталось невысказанным.

— Сколько человек вернулось?

— Семеро.

— Остальные?

— Погибли.

Она медленно отвела взгляд к просыпающемуся городу. Жалости она не испытывала. Лишь легкое разочарование человека, чьи планы снова пошли не так, как должны были.

— Значит, они оказались недостаточно сильны.

Мужчина ничего не ответил. Он слишком давно служил ей, чтобы удивляться подобным словам.

Несколько мгновений прошло в молчании, нарушаемом лишь шумом ветра, гулявшего между колоннами галереи. Наконец Мирелла негромко спросила:

— Она ушла через Разлом?

— Да.

— Одна?

Вопрос прозвучал спокойно, но мужчина вдруг замешкался. Всего на одно мгновение. Однако этого оказалось достаточно. Мирелла медленно повернулась к нему.

— Кто?

Он опустил голову.

— Командующий Ноктиса.

На этот раз она не ответила сразу. Лишь едва заметно дрогнули ресницы.

— Каэль?

— Да, госпожа.

Улыбка медленно исчезла с ее губ. Она снова отвернулась к галерее, и утренний ветер слегка коснулся золотистых перьев за ее спиной.

— Вот как

Слова прозвучали почти шепотом. Теперь многое становилось понятным. Неудивительно, что Разлом закрылся раньше, чем они ожидали. Неудивительно и то, что девчонка осталась жива.

Каэль никогда не умел поступать так, как от него ждали. Именно поэтому он был опасен. Гораздо опаснее, чем сам подозревал. Мирелла медленно подняла взгляд к светлеющему небу.

— Нашли тело Хранительницы?

— Нет.

На этот раз она замолчала надолго. Настолько надолго, что мужчина не решался поднять голову.

Ветер принес с собой запах дождя и цветущих садов, но даже этот знакомый аромат не смог смягчить внезапно возникшее напряжение. Наконец Мирелла тихо произнесла:

— Тогда у нас гораздо больше проблем, чем я думала.

Мужчина нахмурился.

— Госпожа?

Она повернулась к нему, и впервые за весь разговор в ее золотистых глазах мелькнуло что-то похожее на тревогу.

— Если Хранительница исчезла, значит, она уже начала делать свой ход.

Эти слова прозвучали почти спокойно, но почему-то именно после них мужчине впервые за всю ночь стало по-настоящему не по себе.

Мужчина невольно поднял взгляд. За годы службы он видел Миреллу разной: спокойной, разгневанной, холодной, даже жестокой. Но тревогу в ее глазах он заметил впервые.

— Вы считаете, что она знала о нападении?

Мирелла медленно отвернулась к галерее. Солнце уже по-

казалось над горизонтом, и золотистый свет лег на белый мрамор, окрасив его в теплые оттенки меда и янтаря.

— О нет, — тихо произнесла она. — Если бы Хранительница знала о нападении, все сложилось бы совсем иначе.

Она ненадолго замолчала, словно прислушиваясь к чему-то, чего не мог услышать никто другой.

— Но она всегда знала, когда нужно сделать первый шаг. Мужчина нахмурился.

— Я не понимаю.

На губах Миреллы появилась едва заметная улыбка.

— Именно поэтому ты никогда не смог бы стать одним из Хранителей.

Он не посмел ответить. Несколько мгновений они стояли молча, и только ветер шевелил длинные складки ее платья.

Наконец она негромко спросила:

— За все эти годы ты хоть раз видел ее испуганной?

Мужчина задумался. Потом медленно покачал головой.

— Нет.

— Вот именно.

Мирелла подняла взгляд к небу.

— Она никогда не идет против течения. Никогда не пытается остановить бурю. Она лишь появляется в тот момент, когда все уверены, что уже победили.

Ее голос стал еще тише.

— И тогда оказывается, что настоящая игра только начинается.

Мужчина почувствовал, как по спине пробежал холод. Он не знал Хранительницу лично. Лишь слышал о ней. Слышал истории, которые больше походили на легенды. И сейчас ему впервые захотелось, чтобы эти легенды оказались неправдой.

— Что нам делать? — наконец спросил он.

Мирелла медленно закрыла глаза. Перед внутренним взором возникло лицо молодой женщины с серо-голубыми глазами.

Наследница.

Столько лет поисков. Столько лет ожидания. И теперь она снова исчезла. Но уже не одна.

Каэль

Она медленно открыла глаза.

— Ничего.

Мужчина удивленно посмотрел на нее.

— Простите?

— Пока ничего.

Она повернулась к нему. На ее лице снова появилась привычная спокойная улыбка. Та самая, за которой почти невозможно было разглядеть настоящие мысли.

— Иногда охотнику нужно терпение.

— Вы думаете, они вернутся?

— Я уверена.

Она произнесла это так спокойно, будто говорила о восходе солнца.

— Все дороги Наследницы ведут в Эйрилон.

Ветер снова коснулся ее волос. Мирелла медленно сжала пальцы.

— Потому что здесь находится то, что принадлежит ей.

— Что именно?

Несколько секунд она молчала. Потом едва слышно ответила:

— Истина.

Мужчина нахмурился еще сильнее, но задавать новые вопросы не решился. А Мирелла вновь посмотрела на просыпающийся город.

В ее памяти всплыли слова, сказанные много лет назад человеком, которого уже не было в живых.

«Когда дочь двух миров вернется, Разломы начнут дышать снова».

Тогда она не поверила.

Теперь же над Люменором поднималось солнце, а где-то далеко, за пределами этого мира, жила девушка, которая могла изменить судьбу Эйрилона.

И впервые за долгие годы Мирелла почувствовала не страх.

Предвкушение.

Несколько долгих мгновений они стояли в тишине.

Над Люменором окончательно занимался рассвет. Золотой свет медленно стекал по крышам, касался парящих островов и высоких башен дворца, и город постепенно просы-

пался после самой страшной ночи за последние годы.

Мирелла медленно выдохнула.

— Усильте охрану Разломных земель.

Мужчина поднял голову.

— Вы думаете, они снова откроются?

Она не сразу ответила. Ее взгляд был устремлен куда-то далеко за горизонт, словно она пыталась увидеть то, что пока скрывалось от остальных.

— Они уже проснулись.

В голосе не было ни страха, ни сомнений. Лишь спокойная уверенность человека, который слишком долго ждал именно этого дня.

— И если Хранительница сделала первый ход, значит, очень скоро начнут происходить вещи, которые мы больше не сможем остановить.

Мужчина почувствовал, как внутри поднимается тревога.

— Что мне передать остальным?

Мирелла повернулась к нему.

— Ничего.

Он удивленно моргнул.

— Госпожа?

— Пусть считают, что Наследница погибла.

Мужчина нахмурился.

— Но

— Именно так.

Она говорила тихо, однако в ее голосе появилась сталь.

— Пока никто не знает правды, у нас есть время.

Она вновь перевела взгляд на город.

— А время сейчас ценнее любой армии.

Мужчина медленно склонил голову.

— Как прикажете.

Он уже собирался уйти, когда голос Миреллы снова оставил его.

— И еще кое-что.

Он замер.

— Найдите все, что осталось после нападения. Оружие. Амулеты. Тела. Мне нужен каждый след.

— Вы думаете, среди нападавших были не только люди?

На этот раз она долго молчала. Потом едва заметно улыбнулась.

— Я думаю, этой ночью на доску вернулись слишком старые игроки.

Ветер снова поднялся, заставив золотистые перья за ее спиной тихо дрогнуть. Мужчина больше не задавал вопросов.

Поклонившись, он быстро направился к выходу, и вскоре его шаги растворились в длинных коридорах дворца.

Мирелла осталась одна. Несколько минут она неподвижно стояла у балюстрады, наблюдая за тем, как солнце поднимается все выше. Потом медленно подняла руку.

Над ладонью вспыхнул маленький золотой кристалл. Свет внутри него дрожал, словно живой.

Мирелла долго смотрела на него, а затем тихо произнесла:
— Ты опоздала.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом поверхность кристалла едва заметно потемнела. И в глубине света появилась тонкая серебристая трещина. Улыбка медленно исчезла с ее лица. Потому что за много сотен лет она видела подобное лишь однажды.

В тот день, когда исчезла мать Эллианны.

И впервые за долгое время Мирелла почувствовала, как по спине пробежал холод.

Мирелла еще несколько мгновений смотрела на кристалл, в глубине которого медленно мерцала тонкая серебристая трещина.

Потом ее пальцы сомкнулись, и свет погас.

Утренний ветер становился теплее. Где-то далеко над городом уже звучали первые колокола, возвещая о начале нового дня, но она почему-то продолжала стоять неподвижно.

В памяти всплывал другой рассвет.

Двадцать восемь лет назад. Тогда небо над Эйрилоном было точно таким же — ясным, спокойным, обманчиво мирным.

И именно в тот день исчезла женщина, которую они искали долгие годы.

Женщина, сумевшая сделать невозможное. Скрыться. Забрать ребенка. Исчезнуть так, словно сама ткань мира сомкнулась за ее спиной. Мирелла медленно подняла взгляд к

горизонту.

Столько лет она была уверена, что время работает на нее. Теперь же впервые почувствовала, что оно начинает работать против. За ее спиной снова слышались шаги. На этот раз она обернулась сразу. По галерее неторопливо приближался Архонт.

Длинные серебристые волосы мягко переливались в лучах рассвета, а четыре серебристых крыла были сложены за спиной с привычной величественной спокойностью.

Он остановился в нескольких шагах от нее. Некоторое время они молчали. Потом Архонт тихо произнес:

— Люменор никогда не любил такие рассветы.

На губах Миреллы появилась едва заметная улыбка.

— Ты всегда разговариваешь так, будто говоришь не с людьми, а с самим миром.

— Иногда мир слушает внимательнее.

Она повернулась к нему.

— Пришел сказать что-нибудь утешительное?

Архонт покачал головой.

— Нет.

— Тогда зачем?

Он посмотрел на просыпающийся город. Несколько мгновений его лицо оставалось совершенно спокойным. Потом он негромко произнес:

— Потому что этой ночью многое изменилось.

Мирелла чуть прищурилась.

— Ты говоришь так, словно только сейчас это понял.

Архонт медленно перевел взгляд на нее. И впервые за весь разговор в его глазах появилось что-то странное. Почти усталость.

— Я понял это очень давно.

Мирелла ничего не ответила. Несколько мгновений они стояли в тишине, нарушаемой лишь легким шумом ветра, который играл серебристыми перьями за спиной Архонта и приносил с собой запах цветущих садов. Наконец он спокойно произнес:

— Наследница жива.

На этот раз молчание затянулось. Мирелла даже не удивилась. Если кто-то и мог прийти к такому выводу, то только он. Она медленно повернула голову и посмотрела на него.

— Ты всегда слишком много знаешь.

На губах Архонта появилась едва заметная улыбка.

— А ты всегда недооцениваешь чужие догадки.

Она тихо выдохнула и снова перевела взгляд на город, который постепенно просыпался под первыми лучами солнца.

— И что теперь?

Архонт не ответил сразу. Он смотрел куда-то вдаль, словно пытался разглядеть за сияющим горизонтом то, что пока было скрыто от остальных. Только спустя несколько секунд он негромко произнес:

— Теперь мы ждем.

На губах Миреллы появилась легкая усмешка.

— Ненавижу ждать.

— Знаю.

Он немного помолчал, а потом добавил:

— Но иногда именно ожидание меняет судьбу сильнее любого действия.

Она внимательно посмотрела на него. За тысячу лет жизни Архонт научился скрывать свои мысли лучше любого придворного, но сейчас ей показалось, что в его глазах промелькнула тень чего-то, похожего на тревогу.

— Ты что-то видел? — тихо спросила она.

Он не ответил сразу. Его взгляд медленно скользнул по горизонту, где солнце уже окончательно поднялось над облаками и залило Люменор золотым светом.

— Я видел только одно.

Она терпеливо ждала продолжения. Архонт медленно перевел взгляд на нее.

— Разломы проснулись.

В тот же миг ветер словно стал холоднее. Мирелла едва заметно напряглась.

— И что это значит?

Архонт повернулся к ней, и в его серебристых глазах отразился рассвет.

— Это значит, Мирелла, что история, которую мы считали законченной почти тридцать лет назад, на самом деле никогда не заканчивалась.

Он сделал короткую паузу, а затем тихо добавил:

— И теперь она начинается снова.

Лиор так и не покинул Зал Совета.

Он стоял у высокого окна и смотрел на просыпающийся Люменор, но видел совсем не золотые крыши столицы, не мосты между парящими островами и не солнце, медленно поднимающееся над горизонтом. Перед глазами снова и снова возникало лицо Эллианны в тот самый миг, когда Разлом закрылся между ними.

Город постепенно оживал. Внизу открывались лавки, по улицам спешили первые прохожие, над крышами поднимался легкий дым, а где-то вдали уже звучали утренние колокола. Никто из жителей еще не знал, что этой ночью Эйрилон изменился навсегда. И вместе с ним изменилась жизнь человека, которому однажды предстояло стать его правителем.

За спиной тихо открылась дверь. Лиор не обернулся. Он сразу понял, кто вошел. Шаги были слишком легкими и слишком знакомыми, чтобы ошибиться. Через несколько мгновений рядом остановилась Серания.

Она ничего не сказала, лишь подошла к окну и тоже посмотрела на город. Несколько долгих минут они стояли молча, и только потом она негромко произнесла:

— Я искала тебя.

— Зачем?

Усталость в его голосе прозвучала так отчетливо, что Серания невольно повернулась к нему.

— Ты даже не спросишь, как я?

Только теперь Лиор поднял на нее взгляд. Она была безупречна, как всегда, но лицо казалось непривычно бледным, а в золотистых глазах еще жило потрясение пережитой ночи.

— Прости, — тихо сказал он. — Как ты?

На ее губах появилась слабая улыбка.

— Теперь уже лучше.

Она немного помолчала и, внимательно посмотрев на него, спросила:

— А ты?

Лиор невесело усмехнулся.

— Не знаю.

Серания долго не отводила от него взгляда, словно пыталась увидеть то, что раньше было скрыто от всех.

— Это из-за нее? — наконец тихо спросила она.

Он ничего не ответил. Но иногда молчание говорит гораздо больше любых слов.

Серания медленно опустила взгляд.

Наверное, где-то глубоко внутри она всегда знала, что однажды это случится. И все же сердце болезненно сжалось.

Серания долго молчала, а потом на ее губах появилась грустная улыбка.

— Знаешь, что самое неприятное?

Он вопросительно посмотрел на нее. Она встретила его взгляд и тихо произнесла:

— Я впервые вижу тебя таким.

Немного помолчав, она добавила:

— И понимаю, что никогда раньше ты ни на кого так не смотрел.

Эти слова повисли между ними. Лиор снова отвернулся к окну.

Он никогда не хотел причинять ей боль, но сейчас не мог солгать даже ради нее.

Серания глубоко вздохнула, словно принимая что-то внутри себя, и вдруг улыбнулась. Не той безупречной улыбкой, которую годами показывала двору, а по-настоящему — тепло и немного печально.

— Почему ты улыбаешься? — тихо спросил он.

Она негромко рассмеялась, и в этом смехе было столько грусти, что у него невольно сжалось сердце.

— Потому что жизнь иногда бывает удивительно жестокой.

Она оперлась ладонями о подоконник и посмотрела на просыпающийся город.

— Я столько лет пыталась заставить тебя увидеть меня, а потом появилась девушка из другого мира и сумела сделать это всего за несколько дней.

Лиор ничего не ответил. Что вообще можно было сказать на такие слова? Серания повернула голову и внимательно посмотрела на него.

— Найди ее.

Он медленно перевел на нее взгляд.

— Что?

Она улыбнулась снова, и хотя в ее глазах стояла тихая печаль, голос звучал спокойно:

— Если однажды у тебя появится такая возможность, найди ее.

Он смотрел на нее так, будто видел впервые.

— Серания

Она мягко покачала головой.

— Не надо.

Несколько мгновений она молчала, собираясь с мыслями, а потом тихо произнесла:

— Иногда любовь заключается не в том, чтобы тебя выбрали. Иногда она заключается в том, чтобы найти в себе силы отпустить того, кого любишь.

Эти слова неожиданно больно отозвались в груди. И в этот момент Лиор вдруг понял, что за одну ночь потерял гораздо больше, чем думал. Серания медленно отступила на шаг.

— Тебя ждут.

Он нахмурился.

— Кто?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Совет Домов.

На ее губах появилась едва заметная, усталая улыбка.

— И, кажется, твоя жизнь в качестве Солариарха начинается гораздо раньше, чем ты рассчитывал.

Несколько секунд Лиор молча смотрел на нее. Ему хотелось что-то сказать. Поблагодарить, извиниться, найти сло-

ва, которые могли бы хоть немного уменьшить ее боль. Но иногда любые слова кажутся слишком маленькими перед чувственными чувствами.

Поэтому он лишь тихо произнес:

— Мне жаль.

Серания улыбнулась чуть теплее и покачала головой.

— Не надо, Лиор. Ты никогда ничего мне не обещал.

Она опустила взгляд на свои руки.

— Наверное, самое опасное в любви — это то, что мы сами начинаем надеяться на то, чего нам никто не обещал.

Он почувствовал, как в груди снова болезненно сжалось. Серания подняла голову и вдруг легко коснулась его руки.

— Не смотри на меня так.

— Как?

— Будто я только что разбила тебе сердце.

В ее голосе прозвучала слабая улыбка.

— Поверь, с моим все будет в порядке.

Она лгала. Он понял это сразу. Но впервые в жизни не знал, как помочь. Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга. Потом Серания глубоко вдохнула, словно окончательно прощаясь с чем-то внутри себя, и отступила еще на шаг.

— Иди.

— Серания

— Иди, — повторила она уже мягче. — Твой народ ждет своего правителя.

Эти слова прозвучали спокойно, но почему-то именно сейчас Лиор впервые почувствовал настоящий вес того, что произошло этой ночью. Он больше не был просто наследником. Время, когда можно было ошибаться, сомневаться или откладывать решения на потом, закончилось.

Он медленно перевел взгляд на город за окном. Люменор просыпался.

Тысячи людей начинали новый день, даже не подозревая, насколько близко этой ночью их мир подошел к краю. Они еще ничего не знали, но уже ждали, надеялись и продолжали верить в то, что их столица, их Дом и их будущее находятся под защитой.

Лиор медленно выдохнул. Потом повернулся к Серании.
— Спасибо.

Она чуть удивленно подняла брови.

— За что?

Он ненадолго задумался. За поддержку, которую всегда принимал как нечто само собой разумеющееся. За то, что она была рядом все эти годы. За то, что даже сейчас, когда ей самой было больно, нашла в себе силы улыбнуться.

— За то, что всегда была рядом.

В ее глазах на мгновение мелькнула боль, но улыбка не исчезла.

— Тогда не заставляй меня пожалеть об этом.

Он едва заметно улыбнулся в ответ. Наверное, впервые за всю эту бесконечную ночь. Серания сделала шаг в сторону,

освобождая ему путь к дверям.

Лиор уже почти вышел из зала, когда за спиной снова прозвучал ее голос:

— Лиор.

Он остановился и обернулся. Она стояла у окна, освещенная первыми лучами солнца, и впервые выглядела не дочерью великого Дома и не придворной леди, а просто молодой женщиной, которой пришлось отпустить свою первую любовь.

Несколько секунд она молчала, словно не была уверена, стоит ли произносить эти слова.

Потом тихо сказала:

— Если однажды ты все-таки найдешь ее постарайся больше никогда не смотреть ей вслед.

Он долго не отвечал. Потому что вдруг понял: она говорит не только об Эллианне.

Она говорит о выборе. О сожалении. О людях, которых иногда теряешь только потому, что слишком долго стоишь на месте.

Лиор медленно кивнул. Больше он ничего не мог ей обещать. Затем развернулся и вышел. Двери Зала Совета бесшумно закрылись за его спиной. Длинный коридор встретил его тишиной. По обе стороны уже стояли стражники, а в конце галереи ожидал дворцовый советник. Увидев Лиора, он сразу склонил голову.

— Ваше Высочество, Совет Домов собрался.

Лиор поднял взгляд. За высокими окнами дворца сияло утро.

Он медленно расправил плечи и вдруг почувствовал, как что-то внутри него окончательно меняется. Боль никуда не исчезла. Не ушла и тревога.

Но поверх них легло другое чувство — тяжелое, почти осязаемое, от которого невозможно отказаться и которое нельзя разделить ни с кем.

Ответственность.

Он ощутил ее так ясно, словно она легла ему на плечи вместе с первыми лучами солнца.

И именно в этот миг он понял, что ночь действительно закончилась. Наследник остался по ту сторону рассвета. А навстречу новому дню сейчас шел человек, которому предстояло стать Солариархом.

— Идемте, — тихо произнес он.

И, повернувшись, направился туда, где его уже ждала собственная судьба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.